

Л Кация прочно за
нашу жизнь. Она
в ней достойное
одною рядом с книгами
клуба, телевидением
источниками знаний. И
что может сравниться по
глубине эмоционального
статя на человека с жив
ным, образным и метким
умалого лектора.

В наши дни — время
роста потока информации
ются в получают широк
пространствие новые фо
ционной пропаганды. (О
них) — вечера вопросов
ответов. Они быстро завое
пулярность у рабочих,
вплком, молодежи. Ведь
дешеве можно узнать и
что больше всего интере

— Мы учли, это в свете
— говорит ответ
секретарь Аджаринской
ской организации
«Знание» Андрей Ник
Алтугия. — Теперь на
ра звать лучше чаще все
ся со своим слушателем
того, чтобы ответить на
голосистые и разно
вопросы. На таких вече
рах никогда не пусто
в рандомных, бара
слушателей.

Вот как проходил один
Ботее ста двадцать раз

ТЕЖДА

У КВАДРАТНОГО «груд
лившись в батюшк
цеский в синей фо
в ворота штабна

АНАКЕН УРА

16 JUL 1969

Искажит, подвиги глде артист
примирит? — спросил по-русски
женщина.

Я ответила по-узбекски: надо про
йти к Кари Якубову. Она обрадова
лась и решительно зашагала к сие
не. Вслед ей понесся шепот:
— Хайри-чеккиди, Хайри-урс
(крещена Хайри, Хайри-русская).
Так называли эту женщину за рус
скую одежду. Мальчик был братом
ее мужа.

Увидев Мирзилово, женщина по
дошла к нему и без лишнего слов
объяснила:

— Он станет таким же хорошим
людишком, как и ты, только возм
его к себе в ученики.

И Мирзилово согласился. Это был
день рождения будущего Сабжа
на Ходжаева.

Мальчика поместили у себя на

ОГДА — закончила школу,
а стала перед проблемой: что
делать дальше? Участие в
полной самостоятельности, конечно,
не давало мне права думать о
работе в театре: слишком мал опыт,
недостаточно и профессиональная
подготовка. Конечно, занятия с Уста
лимом раскрыли перед нами мир
искусств, пробудили любовь к
искусству, наполнили сердце свет
мечтой, но это был лишь первый
шаг. Каким окажется второй? Мож
вращая сестра Тамара и ее муж
ухаживали Кари Якубов в то время
работали в театре. Они давно при
матривались ко мне, оценивали мои

возможности. Я умела петь, танце
вать и играть на дутаре. Актрис в
театре почти не было — один бо
мис гнаве аллага, другие не раш
лись нарушить запрет родителей.
Вари Якубов предложил мне всту
пить в труппу, которая только что
создалась в Кандеке, и ставила
Халимгу Гуляма Зафары и «Фархад
Ширини Хуршида. Естественно, то
такое предложение и приняла
большой радостью.

Жили мы в мечети. Актрис в ме
чети — вот название нового време
ни. Репертуарный там же. С самого
начала утра Кари мечтал распах
нуться. Его источник голос создал
поди нашей старшей сестры.

Помните, что мы, еще неопыт
ные актеры, беспрекословно выпол
няли все, что говорили, советовали
приказывали нам режиссер Кари
Якубов и директор театра Мирзи
лово Мирзилово. Сами между собой
нам редко приходило к единому мнени

Года два назад позвала мне по
афонфону Сабиджан Ходжаева. Ва
маларина знакомо имя этого зам
чатого актера театра имени Мух
омина. Он мне сказал: «Павар, у нас
сегодня премьера — «Влюбленный
ацобулет. Приходи».

Конечно, яду в театр, смотрю
спектакль, алдирую великолепную
актеру Сабиджану. Вспоминаю
то удивительную биографию и осо
бно день, когда решился его сше
нческая судьба.

Это было в 1927 году. Я стояла у
хода в театр. Подошел ко мне
женщина в черной соломенной шап
ке и длинном пальто с огненно-ри
жим меховым воротником, в узко
носных туфлях на высоком каблук
е. Теперь это не удивило бы никого...
За руку она держала мальчишку лет
тринадцати. Бросился в глаза его
внешность — чер, из такой, больш
ую часть лица, широкие
ные густые брови, и был в
брюки и кур

сидела видяща, акулеза
кубанка.

Искажит, подвиги глде артист
примирит? — спросил по-русски
женщина.

Я ответила по-узбекски: надо про
йти к Кари Якубову. Она обрадова
лась и решительно зашагала к сие
не. Вслед ей понесся шепот:

— Хайри-чеккиди, Хайри-урс
(крещена Хайри, Хайри-русская).
Так называли эту женщину за рус
скую одежду. Мальчик был братом
ее мужа.

Увидев Мирзилово, женщина по
дошла к нему и без лишнего слов
объяснила:

— Он станет таким же хорошим
людишком, как и ты, только возм
его к себе в ученики.

И Мирзилово согласился. Это был
день рождения будущего Сабжа
на Ходжаева.

Мальчика поместили у себя на

ри и Тамара. Самые новые увлече
лись. Теперь все делили уже не
чужими. Мне и Сабиджан самым
младшим, почитаем, обзову — то
костюм, то плато. Иногда обзова
имела двух хозяев. Так в перо за
крытые туфли мы шептались по оче
реду. Галстук-самовоз (это было в
те времена модно) был тоже один.
То Сабиджанового, то мое сорочку,
то — на английский булук. Бпро
чем, такая безделье, на не шокоро
вала. Мы жили дружно и понимали,
что не в галстике случилось. Главное
— работа, а она нас радовала и
вдохновляла. Все отдавалось ей. Мы
готовили спектакли и давали кон

Н 50-летию театра имени Ахунбабаева

ПУТЬ В ИСКУССТВО

Гаварх РАХИМОВА

народная артистка Узбекской ССР

озможности. Я умела петь, танце
вать и играть на дутаре. Актрис в
театре почти не было — один бо
мис гнаве аллага, другие не раш
лись нарушить запрет родителей.

В Анджием театр бдзствозвал
не было ни репертуара, ни костю
мов, ни декораций, ни средств к
существованию. Словом, все чадо
было начинать сначала. Опять стали
готовить «Фархад и Ширин» и му
зыкальную комедию «Ирчим мал
аллаги. Дням репертуару а кепи
рами давали концерты. В свободное
время шли костюмы, писали де
корации.

Настал день премьеры. Мы стра
но волновались. Ведь предстояло
открыть театр, встретиться со зрите
лем и услышать его мнение. Мне
ние, которое решало судьбу нашу,
судьбу дела, за которое мы взы
лись.

Прошло, несколько месяцев. Кари
Якубов снова отозвал из театра
танцевальную Узбекскую рецен
в Самарканде. Вместе с Кари по
ехали Тамара и я. И как присоеди
нились также Уста Алим, его жена

А вскоре, в декабре, мы услыша
ли радостную весть — Наркомат
театров при постановке решил
командировать Кари, Тамару и ме
на в Москву. Там должен был про
ходить «Вечер классической и народ
ной музыки, песни и танца узбе
дов». Для меня это было не только
почетно — представлять республику
в столице, осуществлять давняя
мечта моя.

Всюду нам оказывали сердечный
прием. Но именно в Москве мы
остро ощутили, как нас мало. Кари
говорил, что нашей молодежи не
обходимо учиться в Москве, про
ходить здесь стажировку, перенимать
опыт столичных мастеров сцены.
Наши московские друзья поддержи
вали эту точку зрения. Они понимали,
как важен путь узбекских арти
стов, особенно женщин. Он требо
вал не только таланта, но и мужес
тва, подлинного самопожертвования,
и подчас и героизма. Фанатично
расправлялись с теми, кто пожелал
сбросить паранджу и выйти из
мрака к свету.

3 июля 1930 года. Два узбекских
коллектива — театр имени Хамзы и
музыкальный театр — отправляются
в Москву. Поезд украшен флагами,
позументами, гирляндами цветов. На
перроне — митинг. Нас провожают;
желают всеческих успехов. Мы за
везем знаменосца, что приложим к
этой же цели.

Поезд пересекает Казахстан и
Россию с юга на север, и всюду нас
радуют встречают. На больших
станциях встречи выливаются в
праздничное торжество. Артистам
подносят хлеб-соль. В окружении
веселой толпы мы исполняем наши
танцы. Это были не репетиции —
ведь в вагоне не рстанущешься.
Мимо маленьких станций мы про
носились, не останавливаясь, выста

виз из окон карман и оглушае встре
чались громкой музыкой.
В Москве, на Казанском вокзале,
нас ожидал коллектив театра имени
Революции. С ним нас связывала
крепкая дружба еще со времени
гастрольной в Анджием. Спектакли
шли тогда в очередь: день они иг
рали, день — мы. Отдыха, превра
щения в зрители. Присталимо му
то — в творчестве, в творческом дру
жестве, в творческом произведе на
нас спектакль «Человек с портфе
лем». Позже эту пьесу поставил и
театр имени Хамзы.

Для нас общение с таким замеч
ательным коллективом, как театр Ре

возможно, интуитивно мы шли по
верному пути, открывали какие
то тайны в искусстве, находили ре
шение многих вопросов. Но мы еще не
могли ни сформировать, обобщить,
сделать своим оружием в творче
стве. Поэтому встречи и беседы с
москвичами были для нас просто
необходимы.

Я вернулась в анджийский театр.
Теперь он носит имя Юлдуша Ахун
бабаева Репертуар стал богаче и
разнообразнее. Здесь ставили «Два
коммуниста Яшена», «Пришесте
Узбекской общины «Халимгу Зафар
и «Фархад и Ширин», «Хуршида
«Товарищи Яшена», «Жантубу Го
гола».

Актрисы были молодые, полные
сил и творческих дарований. Однако
не хватало профессиональных назы
ков. Наиболее слабым была танце
вальная группа. Спектакли, как
правило, шли без массовых танцев,
отсутствовали они и в программах
концертов. Начать сразу с поста
новки было нельзя — молодые ар
тистки не имели необходимой подго
товки. Пришлось начать с уроков
«Доляра дарса», с чего начинал Уста
Алим. Этот урок с женской группой
я стала сама. Затем перешли к тан
цу «Занги», который вошел в спек
такль «Фархад и Ширин».

Вела я
массовые танцы также и в другие
спектакли. Концерты и программы
обогатились номерами, перенесенны
ми из самаркандского театра.

Массовый танец. Театр рас, приобре
тал авторитет. Постановки и концер
ты анджийцев встречали очень тепло.

Именно в тот период начались мои
тесные связи с армией, которая про
должала всю мою оставшую жизнь.
— до войны, во время войны и по
сей день.

Выступала перед бойцами с концер
тами, устраивала семейные вечера,
руководила танцевальными художе
ственной самостоятельности. А работа в
театре шла своим чередом.

Сабир Абдулла написал пьесу
«Ойхон» в ней рассказывалось о та
желой жизни уйгурского населения
среднегойго с мамы Синьцзяна.
В спектакль входили уйгурские та
нцы, а я о них не имела ни малейше
го представления. Стала искать
источники. В Анджием обнару
жилась одна уйгурка, которая зна
ла некоторые характерные движения
уйгурского танца. С ее помощью
нам удалось поставить несколько
хореографических номеров.

Мы знали, что выросли за эти го
ды, но мы не предполагали, что нас
так встретят. Успех был, не буду
ваться этого слова, огромный. Он,
собственно, и оправдал многих в
нашей дальнейшей судьбе.

В 1932 году анджийский театр
выехал в Ленинград в составе пра
вительственной делегации для при
нятия шествия над линкором «Ма
рат».

Мы выступали перед судостроите
лями Балтийского завода, а дома
культуры Выборгского района, в
здании Кировского театра, в мно
гочисленных рабочих аудиториях. В
ленинградских газетах и журналах
было много писали. Я привожу один из
отзывов:

«Гастрوليрующий в Ленинграде
второй Узбекский государственный
театр дал в Малом оперном театре
концерт, познкомивший нас с по
литикой национальной музыки Узбе
кистана. Освобожденные от рабской
зависимости лишь после упорной
борьбы с феодально-капиталисти
ческими строим, узбеки получили воз

можность полностью овладеть своей
национальной художественной ку
льтурой, в частности, музыкой».

Когда мы о пребывание в городе
Ленина ходили ко и концу и в
Крошатае проходила церемония
взятия шествия над линкором, про
шло много знаменитых событий в
жизни моей семьи.

Шло торжественное собрание. Я
сидела в президиуме, с той и с дру
гой стороны выступили ораторы.
Вдруг меня поманили за сцену. Я
выбежала.

Снова плачет Гаварх...
Когда вскоре в Узбекистан при
было тогда всего три месяца. Я
взяла его с собой в эту поездку,
так как оставить малыша было не с
чем. И пока шла торжественная
камень, в стояла за кулисами и корм
ила сына. Вдруг слышу голос пре
дседателяствующего адмирала Мавно

— Среди наших друзей находится
один из самых юных граждан Узбе
кистана. Есть предложение командова
ния линкора «Марат» усыновить
мальчика и назвать Маратом. А ког
да пойдет в школу — взять его в
юнг линкора.

Зел ответа дружной овацией.

Когда вскоре в Узбекистан при
ехала с ответным визитом делегация
линкора, она вручила Марату имен
ной жетон в знак усыновления
командой линкора.

Почетная, но трудная это «до
лжность» — быть женой военного. За
кончии в Ленинграде курсы танки
стов, вернулись мой муж старший
лейтенант Гулям Разимов.

Назначение он получил в Самар
канде. Мне нужно было ехать за ним.
Это было в декабре 1933 года. На
моя счастье при гарнизонном доме
Красной Армии организовался театр,
в котором я стала актрисой, танцов
щицей и балетмейстером. Но кроме
мечты никто танцевать не умел, никто
не владел профессиональными назы
ками. Пришлось опять начинать с
азов. Я выучила с труппой одну
часть «Катта уйкен», а также пере
несла на нашу сцену танцевальные
номера из анджийского театра.

Мы — это матери и отцы тепе
решного поколения, нашей совести
и надежды. Мы теперь уже почти
старики. Хотя наша жизнь еще не
начина, но будущее — в руках на
ших детей. Эти воспоминания — не
название, да, скорее, завещание.

Мы, молодые, живете лучше, пол
нее нас. Вы идете дорогой, проло
женной нами, у вас больше сил и
возможностей. В ваших руках знания,
идея не сменяет. Не останавливай
теся в своем движении вперед. В
этом ваша сила!